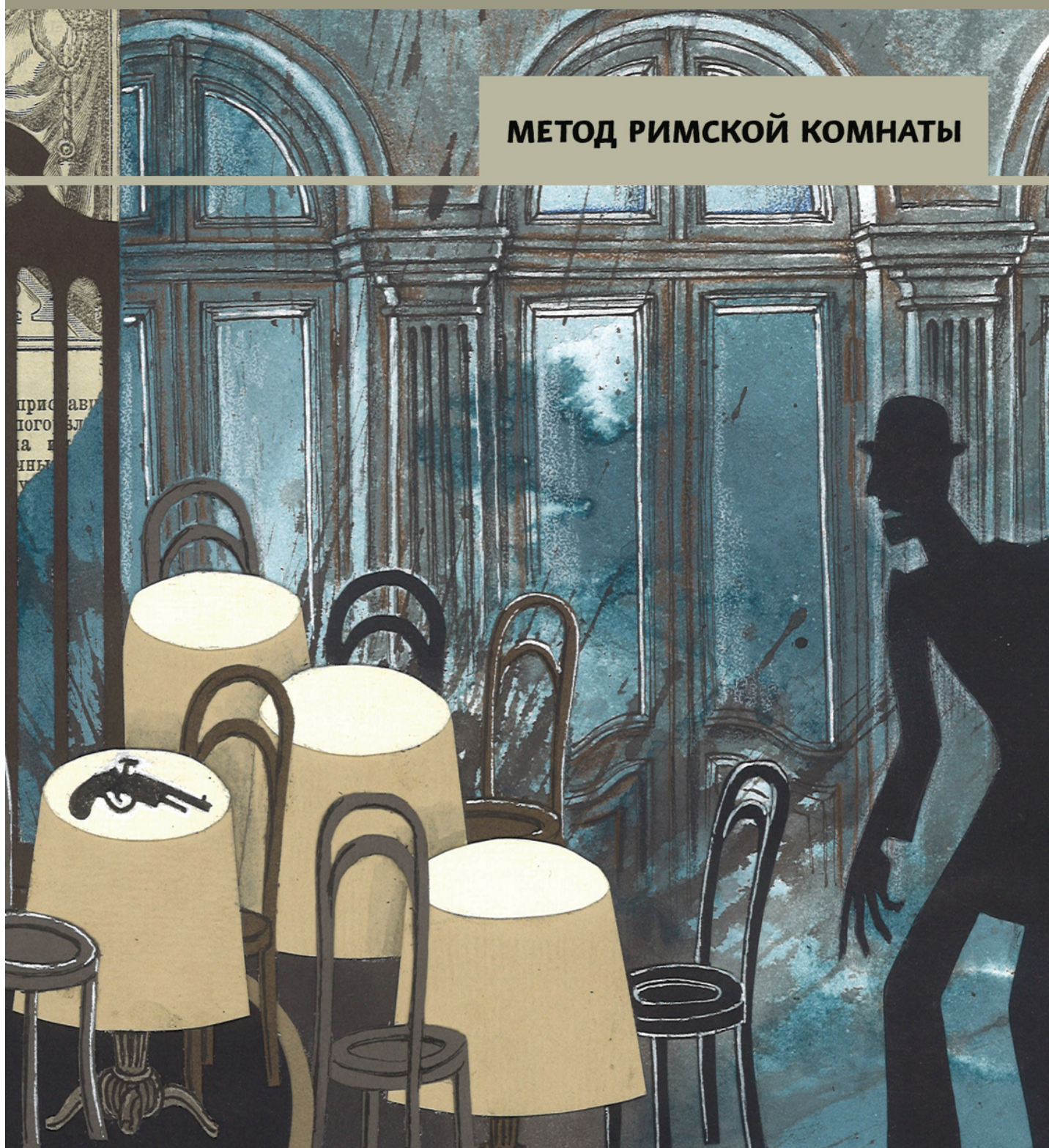

Игорь Лебедев

АРДОВЪ

МЕТОД РИМСКОЙ КОМНАТЫ

Игорь Лебедев

Метод римской комнаты

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лебедев И. Г.

Метод римской комнаты / И. Г. Лебедев — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100077-6

Завораживающий ретро-детектив идеально сохраняет и развивает традиции произведений Бориса Акунина о похождениях сыщика Фандорина. Сыщик Ардов обладает уникальной памятью, и это качество позволяет ему мысленно возвращаться на место преступления, что в короткий срок делает молодого человека звездой криминального сыска конца XIX века. «Метод римской комнаты» – известный с древних времен способ восстановления в памяти обстоятельств прошлого, которым мастерски владеет Илья Алексеевич Ардов. Окончив Цюрихский университет, он почему-то решает поступить на службу агентом сыскного отделения Спасской части Санкт-Петербурга. Чтобы иметь основания отказать неожиданному соискателю, пристав Троекрутов поручает Ардову раскрыть кражу шляпных булавок. Испытательный срок – три дня. Распутать преступление за отведенное время не под силу и опытному следователю, особенно если кто-то начинает убивать украденными булавками состоятельных господ...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100077-6

© Лебедев И. Г., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	32
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Игорь Лебедев

Метод римской комнаты

Главная опасность, которая подстерегает современного автора, взявшегося за создание исторического детектива, – наделить героев прошлого мыслями и чувствами современного человека. Но в романе Игоря Лебедева все гармонично! Это исторический детектив в декорациях XIX века со своеобразной стилизацией под российский бульварный роман.

По стилю очень напоминает рассказы Аркадия Аверченко. В романе много юмористических сцен, создающих соответствующую времени атмосферу. Главный герой – романтический юноша Ардов «с прошлым». Его родители погибли от рук таинственного злодея.

Как и в романах Бориса Акунина о сыщике Фандорине, здесь тоже с виду бытовое убийство оказывается лишь частью коварного замысла. Одно убийство сменяет другое, и во всем этом круговороте легко запутаться, но в конце сыщик все расставит на свои места и все нам объяснит. А моменты, когда Ардов восстанавливает события по методу «римской комнаты», напоминают сцены из «Шерлока» Гая Ричи: когда в замедленной съемке мы видим, что сейчас должно произойти по представлению героя.

Татьяна Полякова

Глава 1

Соискатель

На набережной Фонтанки у выхода с Апраксина переулка мальчишка-оборванец жалостливо тянул босяцкую песенку, примостившись у наваленных горой вонючих бочек. Нежданная монетка, ударившая в жестянку, вынудила его отвлечься от созерцания свинцового питерского неба и посмотреть в спину щедрого прохожего. Это был господин двадцати с небольшим лет в дорогом, хоть и не новом костюме. В его облике можно было отметить ту степень небрежности, по которой легко угадывался человек, проводивший некоторое время за границей.

За прохожим тут же увязалась пара жиганов, но, сопроводив его до дома 91 на углу Горсткиной, они, сплюнув, отстали. Здесь располагалось полицейское управление третьего участка Спасской части, о чем сообщала табличка у входа. Часть эта имела славу самого неблагополучного района столицы из-за «Вяземской лавры» – целого квартала соединенных тайными проходами доходных домов между Сенной площадью, Обуховским проспектом и набережной Фонтанки. Грабежи и поножовщина были тут делом самым обыденным. Кабаки, бани и притоны «лавры» кишели чернью, обсуждавшей за кружкой браги, где чего плохо лежит, волонеры¹ бахвалились добычей, а бывалые мазы² выслушивали доклады звонков³ после ашмалаша⁴ благопристойных петербуржцев, забредавших сюда в поисках дешевых наслаждений в Таировом переулке.

Неподалеку брехали собаки. Задержавшись перед дверью, молодой человек поежился, извлек из жилетного кармашка часы, открыл крышку и, даже не взглянув на время, приложил механизм к уху: слышалась изысканная мелодия. Потом он протянул руку и открыл было дверь, но внутрь пройти не успел, поскольку был бесцеремонно оттеснен медвежьего вида околоточным надзирателем с пышной рыжей бородой, сквозь которую проглядывала похожая на рубль серебряная медаль «За усердие» с профилем царя. Полицейский волок в участок упирающегося голодранца, сжимая в другой руке моток проволоки.

– Не крал! Не крал, ваше благородие! – верещал голодранец. Он протянул свободную руку к молодому человеку, словно желал увлечь его за собой в качестве свидетеля, но околоточный с силой втолкнул воришку внутрь.

В участке пахло потом, керосином и табаком. У приемного стола, огражденного захватанной деревянной балюстрадой, сгрудились просители, ожидавшие очереди. По лавкам дремали те, кому торопиться было некуда. За столом сидел пузатый полицейский чиновник Облаухов и потягивал чай из стакана в медном подстаканнике. Перед ним на листе с типографским заголовком «Протоколь» лежало яйцо, которое он неторопливо освобождал от скорлупы, выслушивая старичка, примостившегося рядом на краешке стула. Проходя мимо, околоточный бросил проволоку на стол Облаухову.

– На стройке, гнида, спер! В Мучном переулке.

– Мое почтение, Константин Эдуардович, – пискнул воришка, стараясь на ходу поклониться толстяку.

Завидев рыжебородого, дремавший у кутузки охранник подхватился и принялся возиться с замком.

¹ Вор-хвастун (*блат.*).

² Авторитетный мошенник (*блат.*).

³ Малолетний ученик мошенника (*блат.*).

⁴ Незаметное ощупывание жертвы перед кражей (*блат.*).

– Свешников, зачем тебе проволока? – весело поинтересовался Облаухов, отодвигая вещественное доказательство на край стола. – Неужто обет взял? Решил вериги на себя возложить?

– Не брал! Константин Эдуардович, вот те крест – не брал! – задержанный попытался перекреститься левой рукой, потому что за правую его крепко держали. – Иду – она лежит.

– А чего ж бежал, гнида? – Околоточный толкнул воришку в кутузку, где на лавках уже дремала парочка начинающих марвихеров⁵.

Попав за решетку, Свешников обрел чувство покоя и защищенности. Приняв полную достоинства позу, он с некоторой торжественностью ответил:

– Желая избежать всегдашнего с вашей стороны необоснованного насилия, господин квартальный надзиратель!

Смелый ответ остался без реакции. Свинцов сел за свободный стол, снял фуражку, промакнул платком начисто выбритую голову и придвинул к себе чернильный прибор.

– Управляющий придет, заявление сделает, – сказал он, ни к кому особо не обращаясь. – Рапорт сейчас составлю.

Облаухов вернулся к прерванной беседе с понурым старичком.

– Что ж вы, Лавр Семенович, такие ценные рукописи по пролеткам разбрасываете?

Старичок вернул на нос пенсне, которое все это время усердно тер платочком, и застенчиво улынулся:

– Виноват, задремал...

– Могу я видеть господина пристава?

Вопрос молодого человека в заграничном костюме, сумевшего протиснуться к столу, прозвучал неуместно и даже дерзко. Оценив опытным взглядом важность просителя, Облаухов не нашел оснований для излишне учтивого обращения:

– Извольте обождать, – строго урезонил он несдержанного господина и вернулся к старичку, сделав сострадательное лицо: – А номер-то экипажа запомнили?

– В том-то и дело, что нет!

Несчастный искренне переживал неприятное происшествие и всем видом показывал, что признает за собой и непростительное легкомыслие, и даже в некотором смысле недопустимую безответственность, повлекшую самые нежелательные последствия. Обмакнув перо в чернила, Облаухов принялся писать в протоколе. Отсутствие четкой оценки произошедшего со стороны полицейского не позволяло старичку унять волнение.

– Умоляю, назначьте расследование! – взмолился он дрожащим голосом – Рукопись ценнейшая.

В этот момент за спинами посетителей раздался пронзительный пороссячий визг. Все обернулись. Поросенок висел вверх ногами в руке вошедшего городского Пампушко и энергично брыкался. Другой рукой полицейский тащил за шкурку мальчишку. Рядом причитала крестьянка. Выскользнув из собственных лохмотьев, малолетка попытался было улизнуть, но Пампушко бросил животину и навалился на верткого беспризорника.

– Сироту калечат! – привычным манером заголосил мальчишка.

Слетевшая с городского фуражка оказалась на поросенке, который с визгом устремился под лавку. Присутствующие бросились ловить ополоумевшее животное. Городовой достал свисток на металлической цепочке и принялся дуть что есть мочи.

– Кому дуешь, дура?! – крикнул Свинцов, вмиг перемахнул балюстрадку и, присев, поставил руки на пути поросенка. Тот вильнул в сторону, прошмыгнул меж ног хозяйки и сбил табуретку, на которой стоял бак с водой и кружкой на цепочке. Вода разлилась по полу. Неожиданно

⁵ Карманник (*блат.*).

данно ловко из-за стола выпростался Облаухов и с криками «В угол! В угол гони шельму!» возглавил охоту.

Молодой человек, казалось, даже не заметил происшествия. Его взгляд устремился в дверной проем, за которым открывался следующий зал, где шныряли служащие в синих мундирах с папками в руках. На краешке одного из столов, утвердив ногу на стуле, сидел худой полицейский офицер с зализанными назад волосами в мундире с красными кантами и играл кистью-бочонком на черном темляке с двойной серебряной строчкой по краям. По важному виду его вполне можно было принять за пристава участка. Господин строго поглядывал на разложенную перед ним шахматную доску, уставленную фигурами. Рядом совсем юный розовощекий письмоводитель держал деревянную рамку с двумя песочными часами. Сделав ход, офицер крутанул колбу – песок посыпался в обратную сторону. Соперник, приземистый господин с лысиной в потертом сюртуке, крикнул и почесал затылок.

Благодаря поросенку путь в зал был свободен. Не встретив препятствий, посетитель подошел к столу и протянул прошение, зацепив при этом шахматную доску. Фигуры разлетелись.

– Вы с ума сошли, милейший? – вскочил офицер, устремив на виновного полный негодования взгляд. – Что вы здесь, как слон, ей-богу, в посудной лавке!

– Простите, я сейчас поправлю, – пробормотал молодой человек.

– Что, что вы поправите? – кипятился худой господин. – Мы здесь полпартии уже сыграли, если вы не заметили.

Между тем неожиданное заявление незнакомца вызвало интерес присутствующих. На него обратились любопытствующие взоры.

– Я заметил.

С этими словами молодой человек принялся собирать и расставлять на доске фигуры. Сложив руки на груди, офицер оглядел коллег, подтянувшихся к столу.

– Первый раз вижу человека, который так целенаправленно движется к собственному позору. Извольте, поправляйте.

К немалому удивлению собравшихся, через полминуты позиции на доске были почти восстановлены. Время от времени молодой человек на мгновение замирал и смотрел перед собой, словно нужное расположение фигур было запечатлено в воздухе невидимым образом. Подоспевший Облаухов хотел было отчитать своевольного посетителя, но осекся, получив знак не вмешиваться.

Тем временем последняя фигура – белый ферзь – заняла свое место. Завершив расстановку, молодой человек взглянул на господина с лысиной:

– Сейчас ваш ход, не так ли?

Тот икнул и неуверенно посмотрел на соперника. Не дожидаясь ответа, странный господин переставил черного коня.

– Шах и мат, – молвил он самому себе.

Потом поднял голову и обернулся к строгому офицеру с детской улыбкой:

– Вы проиграли, ваше благородие.

Только после этих слов общее оцепенение спало, послышались возгласы удивления и восторга. Победитель принялся с чувством трясти руку, только что сделавшую решающий ход.

– Ну, вы даете... Признаться, позиция не казалась мне выигрышной... Как вы так разглядели, господин...

– Ардов, – представился молодой человек. – Илья Алексеевич.

– А я Шептульский, филер. Это Андрей Андреич Спасский, – кивнул он в сторону розовощекого письмоводителя с песочными часами. – В некотором смысле тезка нашей части... А это вот – позвольте представить – господин фон Штайндлер, Оскар Вильгельмович, – указал он на тощего чиновника. – Старший помощник пристава.

– Ардов? – переспросил чей-то голос.

Присутствующие вмиг вытянулись и замолчали. Ардов обернулся. Перед ним стоял корпулентный господин майор с пышными седоватыми усами, а также рядом наград на груди, включая орден Льва и Солнца от шаха персидского. Сомнений быть не могло: хозяином третьего отделения Спасской части был именно он – пристав Троекрутов Евсей Макарович. Он уже некоторое время наблюдал сцену и слышал, как посетитель представился. По нахмуренным бровям можно было подумать, что пристав силится вспомнить, откуда ему знакома эта фамилия.

– Совершенно верно, – Ардов протянул листок бумаги. – У меня прошение. Я хотел бы заступить агентом по сыскному делу.

Еще не понимая, что все это значит, Троекрутов на всякий случай принял бумагу, бросив быстрый взгляд на фон Штайндлера.

– Что? Каким еще агентом? – пробормотал он и сделал вид, будто углубился в чтение.

– Не представляется возможным! – поспешно объявил старший помощник. – Это место занято.

– Вот как? – удивился Ардов. – А я слышал, что прошлый агент трагически скончался и сейчас это место вакантно.

– Может, оно и вакантно, – осторожно согласился пристав, – но с чего вы взяли, что...

В этот момент из кутузки донесся крик задержанного:

– Евсей Макарыч, отпусти! По наговору сцапали, не виновен!..

– Что ж за день-то такой...

Троекрутов попытался сделать вид, будто ужас до чего раздражен бедламом в участке, и вернул прошение.

– Виноват, господин Ардов. Не имею такой возможности. – Пристав развернулся было идти к своему кабинету.

– Но ведь у вас вакансия, – не отступал Ардов.

– Что же, что вакансия?

Обернувшись, Троекрутов пожал плечами. В поисках поддержки он опять посмотрел на старшего помощника. Тот мгновенно возник перед просителем, грудью защищая начальника:

– Для этой должности, господин Ардов, необходимо соответствующее образование.

– Да, – пристав выглянул из-за плеча фон Штайндлера. – У вас как с образованием?

Ардов извлек из внутреннего кармана аттестат.

– Вот. Цюрихский университет. Юридическое отделение.

Чиновники переглянулись – дело принимало щекотливый оборот: не каждый день в третий участок Спасской части приходили выпускники Цюрихского университета. Да что там, никогда не приходили!

– Неплохо... – неуверенно произнес пристав.

– Хотя у нас тут, знаете ли, свои особенности, – на всякий случай уточнил фон Штайндлер.

Приставу предстояло принять единственно верное решение, а каково оно – пока оставалось неясным. Пришлось Евсею Макаровичу пригласить молодого человека к себе в кабинет для детальных расспросов. Чины полиции отправились по рабочим местам, а к фон Штайндлеру тут же поднырнул филер Шептульский:

– Виноват, Оскар Вильгельмович. Партия выиграна, не изволите расплатиться?

Скорчив козью морду, фон Штайндлер протянул рубль.

В кабинете Троекрутов долго пил воду из стакана, разглядывая Ардова.

– Давно вернулись в Петербург? – наконец поинтересовался он.

– Два дня назад. С огромным желанием приносить пользу Отечеству.

В прозвучавшей фразе не было ничего необычного – пристав и сам любил пройтись на тему судеб Отечества и его недремлющих врагов. Но одно дело – разглагольствовать об общественном служении где-нибудь на приеме у генерал-губернатора, и совсем другое – в обычной, так сказать, жизни. Словом, было в облике этого соискателя места агента сыскного отделения что-то странное, необычное. Счесть его за сумасшедшего, может быть, и не было оснований, но бледный цвет лица, круги под глазами, некоторая нервозность во всем облике вполне обоснованно внушали опасение.

– А со здоровьем у вас как, господин Ардов? У нас тут сами видите – не санатория. Работаем, как говорится, на износ. И в зной, так сказать, и в лютый холод...

– По мнению врачей, я совершенно здоров, – твердо ответил Ардов, глядя в глаза приставу. Подумав, он добавил с многозначительной интонацией: – И очень вынослив физически. Троекрутов мелко покивал, оставаясь в растерянности.

– Очень... Это очень хорошо... – пробормотал он. – Выносливость в нашем деле – наипервейшее, можно сказать, качество... Да-с, наипервейшее...

Пристав сделал вид, что что-то ищет в бумагах на столе.

– А опыт? – вдруг спохватился он.

– Простите?

– Опыт подобной службы у вас имеется?

– Опыт?... Опыта нет. Но я...

Троекрутов выдохнул с облегчением:

– Ну вот видите, Илья Алексеевич! Опыта у вас нет. Не обессудьте, но вынужден вам отказать.

Пристав встал и протянул обратно заявление. Кажется, сейчас он готов был расцеловать посетителя.

– Опыт в нашем деле – вещь обязательная. Иначе как же вы предполагаете преступников-то ловить? Тут одной выносливостью не возьмешь!

В ответ на это Ардов извлек из кармана новую бумагу:

– Совсем забыл. У меня рекомендация.

Троекрутов жалобно посмотрел на собеседника, автоматически покрутил ус и опять опустился в кресло, углубившись в изучение документа.

– Вы что же, знакомы с господином обер-полицмейстером? – наконец, оторвавшись от бумаги, обреченно спросил он.

Эту рекомендацию час назад вынесла из высокого кабинета княгиня Баратова. Передавая ее Ардову, Анастасия Аркадьевна попыталась предпринять еще одну попытку отговорить крестника:

– Полиция – это, конечно, достойное поприще, но... в глазах общества... – она запнулась, не зная, как бы поделикатней выразить мысль, что в приличных кругах служба в полиции не считается благородным занятием. – Почему бы вам не пойти по стопам батюшки? Я могу попросить господина обер-полицмейстера составить вам протекцию в Министерстве финансов. Согласитесь, это совсем другие перспективы...

– Нет! – Отказ прозвучал чуть резче, чем следовало бы. Почувствовав это, Ардов попытался смягчить интонацию: – Вы правы, Анастасия Аркадьевна, это выглядит странно. Но именно в Европе, на чужбине, я осознал всю важность служения Отечеству. Всем сердцем я хочу помогать людям – в самом эпицентре людского горя и страдания.

Анастасия Аркадьевна внимательно посмотрела на Ардова, пытаясь определить его душевное состояние. Кажется, он и вправду поправился. Хотя цвет лица не назвать здоровым. Да и в руках имеется едва приметная дрожь.

– Чувствую себя великолепно, – поторопился заверить Ардов. – Воды Бадена творят поистине чудеса! Я бодр как никогда.

– А врачи? Что говорит доктор Лунц? Как он отнесся к вашему отъезду?

Появление крестника в городе стало для княгини полной неожиданностью. Он отсутствовал в столице четыре года, три месяца и семь дней. Сразу после похорон родителей Ардова добрый друг семьи княгиня Баратова отправила его в Баденскую клинику, где он вскоре пошел на поправку, но оставался под наблюдением все это время. Чтобы не умереть от скуки, Ардов поступил в университет в Цюрихе, который окончил буквально за день до того, как получил известие из Петербурга: следовательно, занимавшийся делом отца, попал под карету и скончался. Решение о возвращении созрело мгновенно.

– Для нас это большая неожиданность, Илья Алексеевич, – стараясь не выдать волнения, произнесла Анастасия Аркадьевна, когда вчера утром Ардов появился в особняке на Английской набережной, в гостиной которого ее сиятельство завтракала в обществе сына. Завидев Ардова, Шура Баратов бросился душить в объятиях бывшего однокурсника. Илья терпеть не мог эту возню, но знал, что избежать ее невозможно – просьбы бесполезны.

– Зачем, Илья, зачем ты вернулся? – лопотал недалекий, но добрый наследник княжеского рода. После университета он пошел по стопам покойного отца и поступил на службу в Министерство иностранных дел. – Что ты забыл в нашей Богом забытой дыре? Ты променял свободный воздух Европы на наши затхлые сквозняки?

– Александр, по меньшей мере это непатриотично, – сделала замечание княгиня. Она уже успела дать знак лакею поставить еще один прибор.

– Как же сквозняк может быть затхлым? – не удержался от замечания Ардов. – Сквозняк, напротив, разбивает стоялый воздух.

– Оставь Илью Алексеевича в покое, он и так устал с дороги.

Высвободившись, Ардов подошел к княгине и приложился к протянутой руке. Та пригласила к себе голову любимого крестника и поцеловала в лоб.

– Мы очень, очень рады... – ей стоило трудов сдерживать слезы. – Где вы остановились? Не желаете ли расположиться у нас?

Княгиня понимала, что в дом, где произошло то страшное убийство, Илья не вернется никогда.

– Благодарю, – ответил Ардов, уstraиваясь за столом. – Я снял себе комнату на первое время. На Садовой.

– Что ж, прекрасно. Но дайте слово, что ужинать вы будете только у нас... – Подумав мгновение, Анастасия Аркадьевна прибавила: – А также завтракать и обедать...

– Испытательный срок! – выкрикнул пристав, прервав воспоминания Ардова. Господин майор схватил со стола книжку, которая служила подставкой для подстаканника. На обложке сквозь чайные разводы проступало название «Инструкції чинамъ Санктъ-Петербургской сыскной полиціи». Троекрутов нашел нужную страницу и принялся декламировать:

– Претендент, желающий поступить на службу, должен безвозмездно пробыть на испытании при полицейском участке... – Он поднял палец, чтобы выделить слово «испытании». – И если испытуемый не сумеет доказать свою способность, то на службу не принимается и не вправе требовать вознаграждения.

Пристав удовлетворенно захлопнул книжку и, подойдя к двери, крикнул фон Штайндлеру, чтобы тот принес последнее дело. Настроение у Троекрутова явно улучшилось.

– Без испытания никак не могу, – похлопывая себя по пузу, принялся он ходить вокруг Ардова. – Инструкция, сами понимаете. Это не моя воля, это, можно сказать, требование закона... Коему все мы должны быть всецело подвластны...

В руки Троекрутова опустилась папка, принесенная фон Штайндлером.

Едва взглянув на название дела, пристав протянул ее Илье Алексеевичу.

– Прошу!

– Что это?

Троекрутов обернулся к помощнику.

– Кража в шляпном салоне мадам Дефонтель, – доложил фон Штайндлер.

Ардов тут же углубился в изучение документов, которых было пока что два: заявление потерпевшей и страница с протоколом опроса.

– Сроку у вас – три дня! – произнес пристав. – Если не справитесь – не обессудьте: на это место придет другой, более расторопный чиновник.

Ардов оторвался от папки:

– Три дня? Отчего ж не один?

– За один, боюсь, не успеете, – гоготнул пристав.

Кажется, молодой человек даже не заметил издевательской интонации. Он лишь кивнул на стену за спиной Троекрутова, где висела огромная выцветшая карта Санкт-Петербурга.

– У вас карта семьдесят первого года.

Чины полиции с удивлением обернулись на карту.

– Нет Литейного моста, телефонной станции, железных дорог, – продолжил Ардов. – В новом издании Ильина уже указаны.

С этими словами Илья Алексеевич покинул кабинет.

– Малахольный он какой-то... – едва ли не с сожалением произнес Троекрутов.

– Да-с... – согласился старший помощник. – По всему видать, не все с ним ладно.

Помолчав, пристав воскликнул:

– Да не могу я его так вот сразу – взашей! Его обер-полицмейстер прислал!

– Очень, очень мудрое решение, Евсей Макарыч, – успокоительным тоном произнес фон Штайндлер. – Дело за три дня! Провалит с треском. Даже господин обер-полицмейстер не подкопается! Законы у нас никто еще не отменял.

Троекрутов, неуверенно вздохнув, подошел к двери и позвал Спасского.

– Слушаю, ваше высокоблагородие! – вытянулся перед начальником розовощекий письмоводитель.

– Спасский, почему у нас карта семьдесят первого года?

Юноша с недоумением уставился на карту.

– Ни мостов, ни железных дорог! – продолжил начальник участка. – Ей лет больше, чем тебе от роду!

– Прикажете заменить? – осторожно предположил письмоводитель.

Глава 2

Шляпный салон

– Пусто!

Мадам Дефонтель открыла крышку инкрустированной перламутром шкатулки и всхлипнула.

– Да, действительно, – отозвался Ардов.

Он огляделся. Салон был уставлен десятками разноцветных шляп на болванках, украшенных чучелами птиц, бабочек, лягушек и самыми разнообразными цветами удивительно натурального вида.

– Может, сами куда-то переложили? – осторожно предположил он.

– Шутите?

– Простите. Когда вы обнаружили пропажу?

Вообще-то время было указано в протоколе опроса, который лежал в папке «Дфло», но Ардов никак не мог придумать, с чего начать разговор.

– Сегодня и обнаружила! Хотела показать господину Чептокральскому и...

Мадам Дефонтель уже давно была готова расплакаться и сейчас почувствовала, что момент настал. Впрочем, слезы никак не впечатлили начинающего сыщика.

– Где обычно хранилась шкатулка?

– Да вот здесь и хранилась, – продолжая всхлипывать, женщина указала на столик перед зеркалом. – Всем было известно. Кто бы мог подумать! Ведь приличные же люди...

– Как вы думаете, почему похититель не забрал шкатулку вместе с булавками?

Вопрос застал шляпницу врасплох. Она прекратила рыдать и, кажется, впервые обратила взгляд на присланного из участка сыскаго агента.

– Слушайте, а вы вообще уже находили что-нибудь? Ну, я имею в виду, вы давно служите в полиции?

– Нет, сегодня – первый день.

Женщина едва не задыхнулась.

– А вы уверены, что...

– Конечно, уверен!

Ардов изо всех сил пытался сохранить невозмутимость, хотя от голоса мадам Дефонтель во рту образовался привкус тины. Звуки из ее рта выбивались какими-то булькающими пузырями, словно в желудке у шляпницы кипел маленький сероводородный источник наподобие горячих озер в швейцарском Вальсе, куда доктор Лунц регулярно отправлял Ардова из Цюриха на успокоительные ванны. Заведя руки за спину, Ардов украдкой достал из кожаной наручи под манжетой малюсенькую колбочку с крохотными белыми пилюльками.

– Соглашусь, дело запутанное, но смею заверить – преступник не уйдет от возмездия.

Мадам Дефонтель продолжала рассматривать странного молодого человека, пытаясь понять, как правильнее поступить: закатить истерику сразу или подождать. Все основания для скандала имелись. Еще утром, явившись в третий участок Спасской части делать заявление, она натолкнулась на отвратительного долговязого типа с зализанными волосами, который долго отказывался принимать жалобу, делая вид, что не понимает, о каких булавках идет речь, а потом вдруг достал папку и принялся зачитывать показания некоего мещанина Саратовского уезда Трепыхалова, которому неизвестное лицо нанесло увечье посредством оцарапывания глаза во время следования в конке. Зализанный тип представил дело таким образом, будто бы это она, мадам Дефонтель, ткнула в глаз Трепыхалова. И якобы даже описание виновницы происшествия, данное пострадавшим, полностью совпадало с внешностью мадам Дефонтель, о

чем было указано в протоколе. Конечно, никаких мешан Саратовского уезда хозяйка шляпного салона и в глаза не видела, на конке в тот день не разъезжала и булавами никого не увечила, но наглый полицейский не унимался и даже успел послать за городовыми, чтобы произвести арест. Урезонить его удалось лишь упоминанием имени тайного советника Немировского, вернее, его почтенной супруги Полины Елизаровны, которая являлась давней и преданной клиенткой мадам Дефонтель. Услышав имя господина тайного советника, зализанный тут же пообещал приложить все силы к розыску пропавших ценностей. И вот – прислали...

Ардов осматривал столик перед зеркалом через стекло складной лупы в серебряной оправе.

– Возмездие меня не беспокоит, – сухо произнесла хозяйка шляпного салона, наблюдая за возней юного чиновника полиции. – Я бы хотела получить обратно свои булавы. Между прочим, мне поднесли их в качестве приза на Неделе парижской моды! Я представляла там новую коллекцию шляп «Морской бриз».

Мадам Дефонтель указала на головные уборы в витрине, украшенные чучелами рыб и морских гадов.

– Попробуйте найти в столице второй такой же салон, и я собственноручно отрежу себе нос, но, уверяю вас, – никогда! Никогда вы не сумеете повторить вот этой, к примеру, композиции!

Шляпница ткнула в главный экспонат коллекции – песочного цвета шляпу с широкими полями, на которой среди художественно уложенных искусственных лилий застыли три маленькие черепашки.

– «Странствующие черепахи господина Юя»! На их карапаксах размещены таинственные письма, имеющие сакральное значение. Сам премьер-министр Франции предлагал мне за нее целое состояние!

Приблизившись к Ардову, мадам Дефонтель вдруг произнесла, интимно понизив голос:

– Думаю, я знаю, кто совершил преступление.

Ардов едва не поперхнулся.

– И кто же?

Пузыри продолжали вылетать изо рта шляпницы и лопались у самого ее носа, что здорово отвлекало сыщика – ему все время хотелось разогнать их рукой.

– Воров подслала мадам Сиклер.

Мадам Дефонтель сделала паузу, чтобы оценить реакцию Ардова. Тот остался невозмутим.

– И у вас есть доказательства?

– Да сколько угодно! Она именует себя «французской искусницей», но то позорище, которое выставлено у нее в салоне, ничего, кроме горького смеха, у приличного человека вызвать не может. Третьего дня она говорила мадам Сегино, что я деру втридорога.

– Простите, но что это доказывает?

– Как что? Если вы еще не поняли, мой салон для приличных людей! Не всякий может выложить двадцать пять рублей за самую простую вещь.

– При чем здесь мадам Сиклер?

– Так... Я вижу, вы не горите желанием задержать преступника.

В этот момент звякнул дверной колокольчик и в салон вплыл похожий на камбалу господин в белом жилете с золотыми цветочками.

– Виктор Иудович! – всплеснула руками хозяйка и двинулась навстречу.

Ардов облегченно вздохнул, извлек из колбочки пилюльку и бросил себе в рот: вкус тины слегка рассосался.

– Виктор Иудович, голубчик! – принялась ворковать шляпница. – Все готово! Велите доставить по адресу?

– Мое почтение, мадам Дефонтель! – произнес господин, шумно отдуваясь. – Спасибо, сам заберу.

Получив шляпную коробку, мужчина хотел было откланяться, но хозяйка салона не делала пауз в монологе.

– Вы представляете, украли мой приз. Помните? Те булавки? Лежали вот здесь! Я привезла их с Недели парижской моды. Можете себе вообразить? Сегодня открываю шкатулку – а там пусто! Ничего нет!.. Кто бы мог подумать! Ведь приличные же люди...

Ардов заметил за ширмой скромно одетую девушку. Он подошел. Это оказалась помощница мадам Дефонтель, Василиса.

– Можете описать утренних посетителей?

Василиса пожала плечами, продолжая разбирать заготовки шляп.

– Господин Чептокральский заходили.

– Он кто?

– Газетчик.

– Репортер?

Василиса кивнула.

– Они изволят делать описание парижских мод и расспрашивали мадам о новых фасонах.

– Долго был?

– Часа три, целый самовар выдул.

Девушка кивнула на самовар.

– Так, хорошо... – Ардов сделал какие-то пометки в книжечке, которую извлек из жилетного кармана. – В это время кто-то еще заходил?

– Касьян Демьяныч Костоглот, основательный мужчина. Для него была эгретка с перьями.

Ардов продолжил делать пометки.

– Еще кто?

– Мальчик от княгини Чердановой.

– Посыльный?

– Угу... Забрал шантеклер для ее сиятельства.

– К зеркалу подходил?

– Нет, я ему к двери вынесла.

– Потом?

– Потом был доктор Бессонов с дочерью. Барышня долго выбирала.

– Какую выбрала?

– Вот эту.

Василиса раскрыла французский журнал мод и ткнула пальцем в картинку. На ней была изображена милая шляпка с васильками и бабочками.

Тем временем мадам Дефонтель проводила клиента и вернулась к Ардову с решительным настроением.

– Послушайте... – она запнулась, припоминая имя.

– Ардов.

– Да, господин Ардов! Это были очень дорогие, редкие булавки...

В голосе женщины чувствовалась угроза.

– Я уже рассказала об этом происшествии Полине Елизаровне, если вам что-то говорит это имя. Ее супруг, господин тайный советник Немировский, был крайне удивлен той нерасторопностью, с которой полиция приступила к расследованию!

– Как они выглядели?

– Золотые! – выкрикнула шляпница. – С жемчужиной сверху!

– Понимаю... – Ардов захлопнул свою книжечку. – Общая картина мне представляется понятной...

Он поежился под взглядом мадам.

– Господин сыщик, – тихо произнесла шляпница, – булавок здесь нет. Не хотите поискать в другом месте?

Илье Алексеевичу показалось, что мадам Дефонтель намеревается укусить его за шею. Он кивнул и поспешил к выходу, задевая болванки со шляпками.

Выйдя из салона на Садовую, Ардов некоторое время глотал ртом воздух, словно вынырнул из набитого тиной безвоздушного аквариума. Неподалеку у тумбы какой-то хромой с гнутым носом и цветком в петлице отчитывал растерянного господина сипловатым, слегка гундосым голосом. Со слов хромого выходило, будто прохожий только что налетел на него самым беспардонным образом и выбил из рук коробку с чайным сервизом из двадцати четырех предметов. Скособоченная коробка в лентах и с картинкой роскошной посуды, отмеченной скрещенными синими мечами – знаменитой эмблемой Мейсенской мануфактуры с двухсотлетней историей, – лежала тут же, у ног хромого. Для пущей убедительности он пнул ее ногой, и та отозвалась жалобным звуком битого фарфора. Напор гундосого был столь решителен, а душевные страдания столь убедительны, что остановленный им прохожий в конце концов с извинениями вытащил портмоне и протянул желтоватую «катеньку»⁶...

Придя в себя, Ардов обнаружил в собственных руках раскрытую записную книжку. В накрученных каракулях можно было различить кое-какие слова:

короб. – зерк. столъ

черепахи Юя

Викт. Иуд.

1. Ръп-ръ Чептокрал.

2. Костоглотъ – эгретка

3. Мальчикъ – Черданова – шантеклеръ

4. Безсоновъ + дочь. Журналъ

Ардов вздохнул и сунул книжку в карман. Подняв взгляд, он заметил господина, за минуту до этого покинувшего шляпный салон. Он стоял, прислонившись спиной к фонарному столбу и опустив голову на грудь. Рука сжимала ленту шляпной коробки. Илья Алексеевич подошел.

– Виктор Иудович?..

Господин никак не реагировал. Казалось, он глубоко задумался.

– Прошу простить за беспокойство, я всего лишь хотел...

Ардов деликатно коснулся локтя мужчины: грузное тело утратило равновесие и рухнуло на мостовую в пятно просыпанной малярами гашеной извести. В это же мгновение раздался полуденный выстрел из Петропавловской пушки.

⁶ Сторублевая купюра.

Глава 3

Жарков

– Вы что, теперь всех покойников к нам волоочь будете?

Троекрутов стоял над телом Виктора Иудовича, которое дворники только что выгрузили из подводы и уложили на секционный стол. В прозекторскую набился едва ли не весь участок. Пристав бросил недовольный взгляд на городского, организовавшего доставку трупа на телеге. Тот что-то пробубнил в свое оправдание и, выпучив глаза, кивнул на стоящего тут же Ардова.

– У нас здесь не мертвецкая, господин Ардов!.. Мы преступников ловим, а не... не...

– А не трупы по городу собираем! – подсказал фон Штайндлер.

– Да... Какое это имеет отношение к порученному вам делу?

– Ясно же – помер собственной смертью.

– Апоплексический удар!

– Обстоятельство, конечно, грустное, но вполне, я бы сказал, обыденное. Читали «Палату № 6» в «Русской мысли»?

– Да уж, кругом обман, зло, воровство, кто ж тут выдержит...

Обмен мнениями прервал хриплый возглас за спинами чинов полиции:

– Табакеркой в висок!

Все обернулись на голос. У входа в прозекторскую стоял невысокий господин в состоянии воинственного возбуждения, как бывает с некоторыми в состоянии легкого подпития вкупе с общей неудовлетворенностью жизнью. Усы его были неухожены, да и весь вид производил впечатление помятости. Это был эксперт-криминалист Жарков.

– Я говорю, умер от апоплексического удара табакеркой в висок.

Жарков бросил быстрый взгляд на труп и прошел в угол. С его появлением у собравшихся пропало чувство уверенности.

– При чем здесь табакерка? – удивился фон Штайндлер.

– Не будем торопиться, господа пинкертоны! – Не обращая внимания на присутствующих, Жарков снял куртку, надел заляпанный бурыми пятнами кожаный фартук и принялся возиться с завязками. – Наблюдаю трупный мышечный спазм – явный признак насильственной смерти. Что было в правой руке?

– Шляпная коробка, – сказал Ардов и кивнул в сторону коробки, доставленной вместе с трупом.

– Местный спазм характерен для насильственной смерти. Необходимо вскрытие.

– Начинается... – пробормотал фон Штайнберг себе под нос.

– Ну, вот что, господин Ардов, – подал голос пристав. – Раз уж вы этот труп привезли, вы уж и расследуйте!

Троекрутов со свитой направился к выходу.

– Оба дела – за три дня, – на всякий случай уточнил фон Штайндлер.

– Да... – подтвердил Троекрутов, задержавшись у двери. – Вот Петр Палыч окажет вам содействие.

Когда чины полиции покинули прозекторскую, Жарков с любопытством уставился на Ардова. Потом подошел к шкафчику, произвел там звон и бульканье, извлек рюмочку.

– Два дела за три дня?

– Да. Если пройду испытательный срок – заступлю к вам в участок агентом по сыскному делу.

Жарков медленно осушил рюмочку, прикрыл глаза и прислушался к произведенному внутри эффекту.

– А чего это вас в полицию потянуло? С виду вы человек вроде приличный...

– Хочу преступников наказать. Восстановить справедливость.

Жарков внимательно посмотрел на Ардова.

– К этому делу надо бы подходить без страсти, – произнес он задумчиво. – Иначе можно и невинного обличить.

Ардов промолчал. Жарков полез в шкафчик обновить рюмочку.

– Скажите-ка лучше, зачем велели труп в участок доставить? Честно говоря, никакого мышечного спазма у трупа нет, так что апоплексический удар весьма вероятен. Троекрутов прав – если всех мертвяков на участке сюда тащить, нам в самую пору рядом ложиться.

– У него перламутровая горошина.

Жарков бросил на молодого человека удивленный взгляд.

– Вот здесь, в области ключицы... слева, – пояснил Ардов.

Отставив рюмку, Жарков подошел к столу и наклонился над трупом. Отвернув лацкан, он действительно обнаружил массивную бусину. Разглядев ее с разных сторон, криминалист извлек из ящика стола хирургический зажим и, обхватив горошину, резким движением извлек из тела двадцатисантиметровую шляпную булавку.

– Ого! – с восторгом воскликнул Жарков.

– Шляпная булавка?

– Мастерски! Прямо в сердце. – Жарков был явно восхищен техникой исполнения смертельного удара. – Грудину с одного раза можно и не пробить. А вот шея, печень, пах, вены на конечностях – эти точки не для дилетантов...

Жарков бросил булавку в поддон и принялся исследовать карманы усопшего.

– Преступник явно разбирается в анатомии – добрался до сердца самым удобным способом. При таком ударе нужен минимум усилий, но точность должна быть филигранной.

Ардов протянул руку к булавке.

– Эй, эй! Не вздумайте лапать! – грубовато предостерег криминалист. – Мне еще отпечатки пальцев снимать!

Ардов послушно убрал руки. Потом извлек из кармана лупу и принялся рассматривать наверхие булавки, вполне подходившее под описание, данное мадам Дефонтель. Рядом появлялись предметы, извлеченные Жарковым: часы с цепочкой, пенсне в золотой оправе, портмоне, миниатюрный ключик с костяным брелоком в виде кабанчика, номерной жетон «Биржевой маклер» с инициалами «В.И.М.-П.», серебряная расчесочка...

– Знаете, что такое отпечатки? По методу Хуана Вучетича?

Сполоснув кисти под рукомойником, Жарков приблизился к стене, на которой были расположены два десятка портретов выдающихся криминалистов, любовно заправленные в разнообразные рамки.

– Величайший аргентинский антрополог, создатель уникального регистра иконофалангометрии! – с чувством проговорил криминалист и ткнул в один из портретов.

– Да, – отозвался Ардов. – Я читал год назад в «Цюрхер Цайтунге» заметку о деле Франциски Рохас. Она обвинила любовника в убийстве своих детей.

Жарков резко развернулся. Глаза его горели.

– Совершенно верно! Франциска Рохас из Буэнос-Айреса! Мерзавка исполнила целый спектакль, желая убедить присяжных в своей невинности. Однако обнаруженные Вучетичем кровавые отпечатки дали неопровержимое доказательство, что это именно она – эта самая Рохас! – собственноручно зарезала несчастных крошек! Вы помните, как Вучетич решил дело?

– В заметке утверждалось, что расположение папиллярных линий на пальцах каждого человека уникально.

– Вот именно! Уникально! Вот именно!

Жарков почти с любовью смотрел на Ардова.

– Поверить не могу, что вы читали...

Он на мгновение задумался, словно решая, стоит ли раскрыть Ардову нечто важное. Решившись, Жарков продолжил:

– Два года назад я осматривал ювелирный магазин, который ограбили ночью. Никаких следов! Как позже выяснилось, преступник действовал при свече и в перчатках. Но! Мне удалось обнаружить маленькую каплю застывшего парафина. Вот такую! А на ней – крохотный отпечаток кожи! Чтобы зажечь свечу, преступник вынужден был снять перчатку, иначе не мог достать спичку. В этот момент капля парафина и упала на обнаженную руку. Крохотный отпечаток! Но мне этого было достаточно!

Как заправский фокусник, Жарков эффектно сорвал ткань, укрывавшую некий предмет на столе. Это оказался микроскоп.

– При шестикратном увеличении я обнаружил на поверхности парафина отпечатки пор. Это были устья потовых желез преступника! Когда был задержан подозреваемый и ему не могли предъявить ни одной улики, мне достаточно было снять отпечатки пальцев и сравнить с рисунком на капле парафина. Вот так-то, мой юный друг.

Жарков вдруг осекся, зачем-то схватил с полки увесистый том «Руководства для судебных следователей, чинов жандармерии и полиции» и принялся листать.

– Правда, присяжные все равно оправдали воришку... – спустя время пробормотал он с горечью. – Они просто не поверили, что по парафиновому отпечатку можно идентифицировать человека.

Захлопнув книгу, Жарков постучал пальцем по обложке.

– Вы знакомы с «Руководством» Ганса Гросса?

– Нет. Но в университете я прочел руководства фон Ягеманна, Рихтера и Циммермана.

– Что ж... Неплохо... Весьма неплохо... А русских?

– Квачевского, Владимирова, Трегубова.

– Неплохо, неплохо... Чувствую, из вас может выйти толк... Тут ведь никому невозможно долбить, что внимательный осмотр места происшествия – наиглавнейший этап в расследовании! Наиглавнейший! Ничего нельзя упускать! Вы помните, кто был осужден по делу об убийстве старика Карамазова?

– Вы имеете в виду роман Достоевского? – с некоторым удивлением уточнил Ардов.

– Да, да, именно его. Там, где Федору Павловичу проломили голову.

– По этому делу виновным был признан его сын Митя.

– Вот именно! Митя. Вот именно! – Жарков опять начинал закипать – как видно, столь резкие перепады были привычны для его натуры. – Уверяю вас, если бы следователь произвел тщательный осмотр места преступления, Митя был бы оправдан!

Не дождавшись обычного в этом месте возгласа «Не может быть!», Жарков тем не менее продолжил:

– Напомните, как Митя подходил к дому жертвы.

– Через сад.

– Вот именно! Перепрыгнул через забор. Что должно было остаться на его сапогах?

– Садовая грязь?

– Совершенно верно! Земля! Но если бы следователь взял на себя труд внимательно осмотреть дом старика, то никаких частиц почвы на месте преступления он бы не обнаружил! Их там попросту не было!

Жарков сделал паузу в ожидании реакции собеседника, но ее опять не последовало.

– Какой из этого следует вывод? – осведомился он.

Ардов молчал.

– Как минимум о невиновности Мити! – воскликнул Жарков. – Ведь очевидно же, что через калитку прошел кто-то другой.

Было заметно, что расследование, проведенное в романе с нарушением всех мыслимых процедур, давно и сильно волнует криминалиста. Словно осознав, что возбудился сверхдопустимой меры, Жарков усилием воли взял себя в руки.

– Видите, как важны детали, – резюмировал он, желая придать этому отступлению какой-то практический смысл. – Вот вы. Вы помните, как обнаружили тело?

Ардов, отвлекшись от своих мыслей, взглянул на Жаркова, потом прикрыл глаза.

– Я вышел из шляпного салона мадам Дефонтель... – медленно проговорил он. – Тело упало на пятно известки.

– Гашеная известь? – отозвался Жарков. – На пятне могли остаться отпечатки обуви. Не заметили?

Ардов непроизвольно сделал несколько судорожных вдохов и оказался опять над трупом перед витриной шляпного салона.

– Да, вы правы. На пятне виднелся след...

– Мужской или женский?

– Скорее мужской.

Ардов перевел взгляд на ноги столпившихся у трупя прохожих.

– Как же я сразу не увидел! – воскликнул он.

– Что? Что вы заметили?

Жаркова совершенно не смутило, что Ардов сидел на корточках в центре прозекторской, – он был полностью поглощен следственным экспериментом.

– Испачканные мелом ботинки были на одном из прохожих!

– А лицо? – едва не закричал Жарков. – Лицо разглядели?

Ардов встал и посмотрел куда-то за спину Жаркову. Тот невольно обернулся.

– Мешает городской...

Жарков поспешно отступил, Ардов сделал шаг в сторону, желая что-то разглядеть за невидимой преградой.

– Он отвернулся. Отвернулся и ушел.

Жарков досадливо крикнул.

– Скажите хотя бы, как он был одет?

– Черный сюртук и котелок.

– Жаль, что не разглядели лица. С такими способностями могли бы составить сигналетический портрет преступника по методу Альфонса Бертильона.

Жарков указал на центральный портрет в композиции на стене. Ардов достал из жилетного кармана камей – изящную овальную брошку с вырезанным женским барельефом.

– И вот еще. Лежала рядом с трупом.

Хозяин прозекторской повертел украшение в руках.

– След мужской, камей – женская. Думаете, преступная парочка? Отдает водевилем, не находите?

Помолчав, он решительно протянул Ардову руку:

– Жарков Петр Палыч, никому не нужный здесь эксперт-криминалист...

Вместо рукопожатия Ардов резко отпрыгнул в сторону. Это выглядело странно. Жарков так и остался стоять с протянутой рукой.

– Простите. Лошадь... – смущенно пробормотал молодой человек.

– А-а-а, понимаю, – кивнул Жарков, словно ответ несколько его не удивил – так обычно ведут себя с сумасшедшими. – Какой масти?

– Гнедая. Звезда с узкой проточиной, белые отметины на ногах по венчику. Правая передняя – в полбабки. Сорочий глаз.

Дав описание животного, Илья Алексеевич наконец пожал протянутую руку.

– Ардов Илья Алексеевич.

Жаркова осенила мысль:

– Погодите... Вы описывали лошадь, которую...

– Которую остановил городской, – кивнул Ардов. – Извозчик был пьян, и если бы я не посторонился, был бы сбит вне всяких сомнений.

Жарков завороченно смотрел на молодого человека. Тот, кашлянув, направился к двери.

– Вы слышали о Симониде? – остановил его криминалист.

– Я не люблю поэзию... Образы чаще всего нелепы...

– Он не только парфении писал.

Жарков подошел к Ардову и деликатно увлек его обратно к стене с портретами.

– Как-то Симонид был участником застолья, но ушел раньше. А в зале тем временем обвалился потолок, и все погибли. Для опознания пригласили Симонида, и вообразите – он точно указал имена обезображенных тел. Знаете как? Симонид в точности воспроизвел в памяти расположение гостей во время застолья! Этот способ называют «метод римской комнаты».

Жарков взял молодого человека за плечи и отвернул от стены.

– Не припомните, на каком месте висит портрет Хуана Вучетича?

Сделав невольный резкий вдох, Ардов пошевелил губами и произнес:

– Третий ряд пятое место.

– А Ганса Гросса? Лицо полноватое, прямоугольное, облысение седьмой стадии, нос картошкой, большие уши, седые моржовые усы, борода «островок».

Подумав, Жарков не удержался и добавил:

– Именно он предложил называть науку о раскрытии преступлений «криминалистикой».

– Второй ряд, третий справа.

Жарков удовлетворенно крякнул.

– Альфонс Бертильон?

Ардов прищурился, словно пытался прочесть мелкие подписи под портретами, хотя его взгляд был устремлен на пустую стену. Жарков опять дал описание:

– Лицо треугольное, волосы густые короткие, высокий лоб, нос прямой с горбинкой, уши прилегающие, борода «утиный хвост» с проседью.

– Вероятно, это ваш любимый криминалист? – улыбнулся Ардов. – Вы отвели ему самое почетное место.

Жарков кивнул:

– Создатель метода идентификации преступника по его антропометрическим данным.

– Первый ряд, третье место.

– Феноменально, Илья Алексеевич! Просто феноменально. У вас редкое свойство памяти – она ничего не теряет! Уверен, вы сможете достичь успехов в сыском деле... Если, конечно, не будете пренебрегать основами криминалистики.

Про уникальные свойства своей памяти Ардов знал с детства. Правда, до семи лет он не подозревал, что в этом есть что-то исключительное, и был уверен, что другие воспринимают мир также. Способности его обнаружились случайно, когда он поправил отца, взявшегося под впечатлением от встречи с настоятелем Андреевского собора отцом Иоанном вычитать Великим постом всю псалтырь и однажды перескочившего через строчку. Илья возился рядом и во время чтения шестнадцатой кафизмы просто произнес вслух пропущенное:

– ...утверждены в век века, сотворены во истине и правоте...

Сперва отец не обратил внимания и хотел было продолжить. Но вдруг остановился и обернулся к сыну:

– Что?

Илюша поднял взгляд и договорил окончание строки:

– ...избавление посла людям Своим...

Отец сверился с текстом и осторожно поинтересовался:

– Ты что же, знаешь псалтырь?

В ходе дальнейшего расследования выяснилось, что за полтора года до этого, когда хоронили маменьку, Илья слышал слова священной книги в церкви, где перед погребением всю ночь читал над гробом псалтырь приглашенный монашек. Отец попросил Илюшу продолжить чтение, и тот без видимого усилия принялся произносить услышанный однажды текст. Какого-то практического применения этим способностям найти не удалось, если не считать «фокус», который отец любил разыгрывать перед редкими гостями, приглашая Илью воспроизвести по памяти длиннющий числовой ряд, написанный и оглашенный кем-то из присутствующих. Да еще однажды, уже после смерти отца, когда управляющий банка поинтересовался, знает ли Илья цифры номерного счета и сейфовый код, в котором оказались ценные бумаги, позволившие Илье не думать о хлебе насущном, оставшись в 18 лет сиротой. Эти цифры отец попросил запомнить незадолго до убийства.

– Петр Палыч, как бы вы действовали на моем месте? – спросил Ардов у Жаркова, который продолжал разглагольствовать о пользе бертельонирования, с таким трудом внедряемого в российскую криминалистику.

– Все просто! – охотно отозвался опытный коллега. – Надо собрать улики, очертить круг подозреваемых, проверить алиби, установить мотивы и – вуаля: преступник у нас в кармане!

Алгоритм выглядел лаконично и просто, но первый же пункт поставил Илью Алексеевича в тупик.

– Где же взять эти улики?

– Башмак, Ардов! По отпечатку следа можно найти обувь, а по ней – человека. Если у этого человека имелся мотив к убийству – можно передавать дело в суд, а там – присяжные определяют. Конечно, далеко не всегда удастся раздобыть исчерпывающие доказательства. Бывает, что кроме подозрения и нет ничего. И здесь толковый агент должен уметь представить дело таким образом, чтобы у подозреваемого сложилась полная убежденность, что скрывать больше нечего. Опытный преступник, конечно, раскаиваться не станет, а вот человек оступившийся, совершивший злодеяние по обстоятельствам, наверняка раскроется – ради облегчения мук грешной души, все еще сохраняющей в себе присутствие Божье. Вот к такому раскаянию надо уметь подвести.

Ардов поднял неуверенный взгляд от пола, где, казалось, все еще оставалось неубраным белое пятно, сделанное малярами у шляпного салона.

– Башмак?

– Пожалуй, башмак, – с некоторой растерянностью согласился Жарков. – У вас есть подозреваемые?

– Подозреваемые?

– Именно!

Ардов достал из кармана записную книжку.

– Башма-а-а-ак! – протянул он так, словно постиг великую тайну. – Ну конечно!

Озаренный открытием, новоиспеченный агент сыскного отделения стремглав выскочил из прозекторской.

Глава 4

Костоглот

Илья Алексеевич мчался по Гороховой, не умея оторвать взгляда от ног многочисленных прохожих, встречавшихся по пути. Идея насчет обуви так его вдохновила, что сейчас им владело чувство, будто он вот-вот схватит преступника. Один раз он и вправду остановил какого-то приказчика у Каменного моста, но при ближайшем рассмотрении ботинки оказались совершенно другого фасона, так что сыскному агенту пришлось долго извиняться и выдумывать объяснения о точно таких же, якобы украденных у него в поезде.

– А что же вы от меня хотите? – угрюмо поинтересовался Касьян Демьяныч Костоглот, выслушав сбивчивый рассказ молодого агента сысского отделения.

Первый подозреваемый из блокнота Ардова, побывавший утром в салоне мадам Дефонтель, оказался главой акционерного общества «Златоустовская железная дорога» с конторой на набережной Екатерининского канала. Илье Алексеевичу пришлось провести не менее часа в приемной среди многочисленных моделей паровозов на полках и подставках, прежде чем высокий начальник соблаговолил принять нежданного посетителя.

– Покупка шляпы разве преступление?

– Нет, – согласился полицейский чиновник. – Но в это утро из салона пропали шляпные булавки...

Голос у Костоглота был низкий и горячий, Ардову казалось, что во время разговора у железнодорожного магната вылетают изо рта раскаленные угольки. Опасаясь обжечься, он даже несколько раз откинулся на спинку стула. Это свойство – видеть голос собеседника – сопровождало Илью Алексеевича с самого детства, как и уникальная память. Как-то однажды, когда он был еще совсем маленьким, во время прогулки по Невскому маменька купила ему сахарную конфетку на палочке. Продавец с большой косматой бородой протянул Илюше две карамельные фигурки и спросил: «Тебе какую зверушку – петушка или лягушку?» Увидев, как изо рта продавца, словно из кувшина, прямо на конфеты медленно выливаются прокисшие щи с кусками капусты, Илюша заплакал. Он так и не сумел объяснить маменьке причину огорчения, знай только твердил «щи» да «щи...», чем окончательно запутал и ее, и няньку.

Почти все звуки имели для Ардова цвет, а зачастую и вкус. Никакой радости от этого он не испытывал, а даже наоборот – скорее страдал. Достаточно было неожиданно подать голос собаке за окном, чтобы вкус пудинга, поданного за обедом, в мгновение становился прогорклым, а молоко «подгорало» прямо во рту. Свойство это он скрывал, поскольку близкие не понимали, а сверстники на улице дразнились. Доктор Лунц в Женеве принялся было с увлечением изучать этот феномен, но через три года вынужден был признать полное бессилие науки и, не умея выявить и исправить причину сбоя, сосредоточился на поиске инструментов для уравнивания вкусовых галлюцинаций. Было понятно, что проще всего справляться с внезапным вкусом можно при помощи другого звука, который в силу своей благозвучности вызывал у пациента сладость или иное благоприятное ощущение. Но невозможно провести всю жизнь в филармоническом зале. «Звук в карман не положишь», – как-то заметил Ардов и этим натолкнул доктора на мысль изготовить маленькие музыкальные шкатулки на разные случаи. Сначала были выбраны наиболее «вкусные» мелодии, а потом приглашенному часовых дел мастеру пришлось изрядно повозиться, отлаживая сцепление музыкальных гребенок со штырьками на цилиндриках. В итоге в распоряжении Ильи Алексеевича оказалось несколько милых коробочек, положивших начало целой коллекции, которую он с той поры усердно пополнял. Однако же неудобство этого метода было очевидно: не всякие обстоятельства допускают внезапное прослушивание механической мелодии. Тогда часовщик изготовил для Ардова специальные

часы, которые исполняли мелодию не по истечении заданного промежутка времени, а всякий раз, как только владелец открывал крышку. Правда, частенько это приводило к казусам, когда присутствующие принимались сверять время, и Ардову приходилось, краснея, бормотать, что его часы, видимо, врут.

В поисках лучшего решения доктор Лунц взялся за разработку пилюлек с разными вкусами, для чего пригласил знаменитого ученого, профессора химического института в Цюрихе Альфреда Вернера. Были выделены три основных вкуса – кислота, горечь и соль, которым следовало найти уравновешивание. В результате многочисленных экспериментов Ардов стал-таки обладателем маленьких стеклянных колбочек, которые он каждый вечер наполнял крупинками из трех разных коробочек. Колбочки нашли свое место в специальной кожаной наручи под манжетой. Ардову пришлось потратить время на тренировки, чтобы научиться извлекать их без привлечения внимания, и теперь он делал это почти филигранно. Правда, пилюльки срабатывали не всегда, но все-таки это было лучше, чем ничего.

– Чушь собачья! – Костоглот выдохнул очередной сноп искр, и Ардов невольно смахнул с рукава невидимые угольки, отчего пришел в еще большее смущение. – С этим вы явились? Выяснить, не крал ли я булавок? Да я такими булавками могу путь отсюда до вашего участка выложить. В три слоя!

– И одной из булавок убили человека, – наконец закончил мысль Илья Алексеевич. – Там же, рядом с салоном мадам Дефонтель.

Костоглот умирал раздражение и задумался. Привычным жестом он открыл лежавшую на столе изящную серебряную табакерку, набрал в щепотку табачной пыли и поочередно поднес к каждой ноздре, шумно вдыхая. Ардов быстрым движением извлек из манжеты колбочку, уронил в ладонь беленькую горошинку и метким броском отправил ее в рот. Дважды чихнув, Костоглот утробно прорычал и впал в задумчивое состояние, воспользовавшись которым сыскной агент слегка отклонился назад и попытался заглянуть под стол, где скрывались ноги коммерсанта.

– Кого же убили? – наконец вернулся к разговору Костоглот.

– Мармонта-Пекарского Виктора Иудовича. Биржевого маклера. Вы были знакомы? Илья Алексеевич рассосал пилюльку, и ему, кажется, слегка полегчало.

– Ну так, встречался пару раз, – неопределенно повел плечами Костоглот. – В бильярдном клубе.

– Играете в бильярд? – Ардов оживился, делая вид, что сам увлекается игрой. В учебниках по криминалистике следователям рекомендовали располагать к себе собеседника, находя общие интересы.

– Ну так... – опять пожал плечами Костоглот. – Иногда заглядываю в «Марсель» раскатать партейку-другую...

Костоглот замолчал, а Ардов силялся припомнить что-нибудь об игре, от которой был чрезвычайно далек. Наконец в памяти всплыли страницы «Нивы» за номером 43.

– Вы слышали, в Мюнхене изобрели бильярд с зеркалами? По бортам стола под известным углом ставят шесть зеркал, благодаря чему игрок сразу может знать, каким манером и на сколько ладов можно пустить шар. Говорят, изобретение пользуется большим спросом у новичков.

Костоглот с сомнением взглянул на молодого человека.

– Дурь порядочная.

– Отчего же?

– У них там, в этом Мюнхене, что же, шары за борт не вылетают? Это ж сколько они стекла переколотят, прежде чем шальная⁷ мазом заделается?.. – Спohватившись, Костоглот поправился: – Я хотел сказать, прежде чем новичок мастером станет.

От смущения Ардов не заметил, что Костоглот перешел было на воровской жаргон.

– Да, пожалуй, вы правы... – поторопился согласиться следователь. – Как думаете, у Мармонта были враги, завистники? – решил он перейти к делу, бросив попытки разглагольствовать о неведомой игре.

– У кого их нет? – справедливо заметил Костоглот. – Человечья порода – товар порченный.

– А вы сами? У вас были основания недолюбливать Мармонта?

– Сказать по правде, натуры он был гадливой... На обмане капитал нажил.

Костоглот опять задумался, словно что-то припоминая. Очнувшись, он вернул себе грубоватую манеру.

– Вы что же, думаете, это я его булавкой ткнул?

– Что вы, это было бы слишком очевидно. Мол, кто был в салоне, тот и виновен. – Ардов неловко хохотнул и тут же сник, поскольку Костоглот никак не оценил его попытку иронического к себе отношения. – Для кого изволили заказать шляпку, если не секрет? Вероятно, для супруги?

– Я холост, – коротко ответил магнат.

Илья Алексеевич окончательно растерялся и, набравши воздуха, выпалил:

– А у вас есть алиби?

– Какое еще алиби? – едва не с угрозой спросил коммерсант.

– Где вы были сегодня в полдень?

– Здесь, в конторе. После салона сразу сюда и прибыл. Двадцать пять душ служащих могут это подтвердить. – Костоглот буравил Ардова нехорошим взглядом. – Егорка! – вдруг гаркнул он что есть мочи, и Илья Алексеевич подпрыгнул на стуле от неожиданности. Его обдало огненной волной с запахом горелого пера.

Дверь скрипнула, и в проеме появилась голова секретаря, расчесанная на прямой пробор.

– Слушаю, Касьян Демьяныч!

У Ардова сложилось впечатление, что помощник все это время стоял за дверью и только и ждал, чтобы откликнуться на призыв.

– Господин полицейский желают знать, где я был сегодня в полдень.

– Об этот час Касьян Демьяныч изволили пребывать в конторе, в которую прибыли без четверти десять, о чем имеется соответствующая запись в реестре приходов, – с готовностью доложил помощник.

– Ступай.

Дверь тут же затворилась. Костоглот вышел из-за стола, давая понять, что разговор окончен.

– Еще вопросы есть?

Ардов уставился на ноги железнодорожного магната.

– Что? Почему вы пялитесь на мои ботинки? – не удержался Костоглот.

– Какая прекрасная обувь. Я недавно вернулся в Петербург, еще плохо ориентируюсь. Это вы на заказ шили?

Костоглот слегка растерялся от резкой смены темы.

– Магазин башмачных товаров Собцова. Семь девяносто за пару.

– Это в Гостином дворе?

– Угу.

– А размер не подскажете?

⁷ Неопытный (блат.).

– У меня? Фут с четвертью. Зачем вам?

– Не подходят...

Ботинки и вправду были большие. При мысленном наложении на меловой след они существенно выступали за его пределы. Ардов досадливо сжал губы и мысленно вычеркнул фамилию Костоглота из записной книжки.

Глава 5

Алина

Путь до Перинной улицы Ардов преодолел за четверть часа. В голове он еще раз прокрутил беседу с Костоглотом, отмечая, какие вопросы забыл задать: что за обманные дела Мармонта-Пекарского имел в виду Касьян Демьяныч, почему такой занятой человек отправился за шляпкой самолично, а не послал расчесанного на прямой пробор помощника, знаком ли он с доктором Бессоновым, который явился в салон следом. Впрочем, гигантский размер ноги с гарантией исключал господина железнодорожного магната из числа подозреваемых. Если, конечно, след на пятне известки действительно принадлежал убийце. Сосредоточившись на размышлениях, Ардов никак не заметил, что в сотне шагов за ним увязалась темная фигура, которая тенью обтекала встречающих прохожих, неотрывно следуя за сыщиком.

В приемной доктора Бессонова, стены которой были увешаны дипломами и благодарственными письмами, Илья Алексеевич застал девушку, примерявшую перед зеркалом шляпку с васильками. Очевидно, это и была дочь популярного психолога Алина. На краешке стола лежал раскрытый учебник анатомии с картинкой человеческого тела в разрезе.

– Какая милая шляпка, – обнаружил себя Ардов.

Перед взглядом Ильи Алексеевича сама собой раскрылась страница модного журнала из салона мадам Дефонтель, на которой Василиса указала модель с цветками и бабочками, выбранную Бессоновой. Девушка развернулась и одарила молодого человека смущенной улыбкой. Окинув нового клиента быстрым взглядом, она указала на кресло. В ее глазах загорелись озорные искорки.

– Доктор Бессонов сейчас придет, давайте пока оформим карточку.

С этими словами Алина отбросила шляпку, вынув из нее длинную булавку, и сделала вид, будто именно ей намеревается записывать ответы. Голос девушки имел оранжевый цвет, словно кто-то выдавливал брызги из апельсиновой кожуры.

– Как вас зовут?

– Ардов Илья Алексеевич.

– Прекрасно!

Новый сноп оранжевых брызг задрожал над столом. Алина, словно пером, оцарапала острием карточку.

– На что жалуетесь?

Илья Алексеевич замер в нерешительности, собираясь с силами. Рот наполнился вкусом цитруса.

– Буквально потерял покой, – наконец выговорил он вполне искренне.

– Меланхолия? Вас тревожат навязчивые мысли?

– Бывает.

Алина размахивала булавкой, продолжая розыгрыш. Ардов подметил, что навешенные булавки отличалось от той жемчужины, которая украшала оружие убийства Мармонта-Пекарского.

– Чувство вины? – продолжала девушка.

– Пожалуй...

– Быть может, желание убить собственного отца?

Ардов вздрогнул, но Алина не обратила внимания. Увлеченная игрой, она встала из-за стола и принялась расхаживать по комнате, стараясь в осанке и голосе походить на профессора, которого, верно, встречала на лекциях в медицинском институте.

– Не пугайтесь. В определенный момент ребенок начинает понимать, что попытка устранить отца как соперника на пути обладания матерью встретит с его стороны наказание через кастрацию.

Илья Алексеевич с удивлением взглянул на девушку. Вне всяких сомнений, перед ним была очень яркая особа. Представить такое смелое заявление где-нибудь в великосветском салоне было просто невыносимо. Да и сама статья малоизвестного австрийского психолога, которую цитировала Алина, была, кажется, отвергнута академическим сообществом и признана шарлатанством. Автор, например, утверждал, что в основе такого недуга, как женская истерия, лежит подавление желаний сексуального характера. Ардов как-то встречался с этим занятым господином в Вене – по просьбе доктора Лунца он пытался применить для лечения ардовской депрессии свой новый «катартический метод», но опыт показался неудачным.

Тем временем девушка продолжала:

– Желая сохранить свою мужественность, ребенку приходится отвергнуть желание обладать матерью и, соответственно, отказаться от устранения отца. Но загнанное в область бессознательного, это желание становится основой для постоянного чувства вины. Вот мы и вскрыли причины вашего чувства.

Алина остановилась перед гостем и наклонилась.

– Поверьте, в этом нет ничего странного! – проговорила она теплым доверительным тоном. – Андрей Феоктистович разъяснит вам все наилучшим образом.

Девушка не мигая смотрела в глаза Ардова. Вкус апельсина перебила волна кислятины.

– Мой отец был убит четыре года назад, – сказал молодой человек и поморщился, сглотнув слюну.

Эта картина до сих пор не отпускала Илью Алексеевича. В тот день он вернулся из университета домой, в особняк на Невском, около двух часов. Дверь оказалась не заперта. Он уже было представил, как в шутку пожурит Нилыча за «двери нараспашку», а лакей примется всерьез охать и ругать себя за невнимательность, как вдруг увидел застывший в удивлении взгляд старика-лакея, сидящего на полу у стены. Нилыч был мертв. Из груди торчала рукоятка ножа. Рот Ардова вмиг наполнился кислой слюной, а в ушах появилось протяжное многоголосие комариного хора. Обреченно он ступил дальше в прихожую и уже не удивился, когда перед ним открылось лежащее ничком тело отца в шlafроке. Ковер под ним потемнел от натекшей крови. Далее, у двери в гостиную, под зеркалом лежал и труп Лизаветы – глупенькой, но доброй молодой мачехи Ильи. Ее бежевое платье было сплошь покрыто красными пятнами, словно ее поливали из брызгалки. Пятна были и на обоях, и на кушетке, и на зеркале...

Алина смутилась и вернулась к столу, где принялась перекладывать папки. Ардов встал. Сейчас розыгрыш казался ему совершенно неуместным.

– Где вы были сегодня в полдень? – спросил он возможно более строгим тоном.

Девушка взглянула с подозрением.

– А почему вы спрашиваете?

– По делу службы.

– Что ж у вас за служба?

– Полиция.

Услышав ответ, Алина растеряла остатки своей озорной приветливости.

– А с виду приличный человек, – с досадой молвила она. – Значит, власти хотите. Как все мужчины.

Неожиданный вывод обескуражил Ардова. Он даже не сразу заметил, что в комнату тихо вошла миниатюрная служанка в необычной черной одежде наподобие халхасского дэгэла⁸ с намерением протереть зеркало.

⁸ Традиционный халат у тюркских народов.

– Власти? – растерянно произнес он. – Позвольте, я ищу преступника.

– Нет, это вы – позвольте!

Девушка на глазах превращалась в форменную фурию. Набрав побольше воздуха, Алина уже готова была обрушиться на молодого человека с новыми обвинениями, но неожиданно отвлеклась на служанку:

– Выйдите отсюда, Энху€! – буквально закричала она. – Разве вы не видите, что сейчас вам здесь не место?!

Служанка покорно удалилась из комнаты, Алина же вернулась к Ардову. Ее голос звучал одновременно гневно и насмешливо:

– Ждете, что перед вами будут лебезить, просить прощения, уверять в собственной невинности? Извольте! Сегодня в полдень я была на лекции по фармакогнозии и фармации на Женских медицинских курсах! Можете справиться у профессора Траппа.

– Алина, что происходит? – прозвучал строгий голос.

Ардов оглянулся и увидел в дверях доктора Бессонова, который, очевидно, слышал последние фразы. Мужчина был безупречно одет, источал запах флердоранжа, вид имел холерный и дорогой.

– Ты что себе позволяешь? – продолжил он так же холодно. – Выйди сейчас же!

Алина почти выбежала из приемной, бросив на отца полный ненависти взгляд.

– Простите мою дочь, – мягко обратился Бессонов к гостю, – она вела себя отвратительно.

– Ничего, – только и смог выдавить Ардов, смущенный разыгравшимся скандалом, причина которого осталась ему неясна.

Глава 6

Доктор Бессонов

Доктор Бессонов был чрезвычайно популярной фигурой в Санкт-Петербурге: он слыл передовым ученым-психологом, внедрявшим в повседневную жизнь самые революционные взгляды и методики. У него брали интервью, приглашали на диспуты, записывались на приемы. Диковинкой считались его «психологические группы», про которые ходили легенды, будто на них происходит совершенное перерождение личности и полный катарсис. Стоили они недешево, и попасть туда было непросто. Не далее как вчера Ардов видел Бессонова на сцене Общества развития науки, куда вынужден был отправиться вместе с Анастасией Аркадьевной под девизом «Это же единственная лекция о возрастающей роли психологии в обществе!» сразу же после завтрака. Несмотря на возраст, княгиня сохраняла чрезвычайную открытость всему новому и, желательно, необычному. Новинки техники, открытия в науке, достижения в искусствах, модные поветрия, гастроли заезжих мастеров и выставки национальных достижений – все это вызывало у нее острейший интерес и желание ознакомиться, составить собственное мнение и, по возможности, найти применение в своем обиходе. Либо просто стать обладательницей. «Без психологии сегодня невозможно развитие никаких сфер и областей, – пояснила она свою позицию, вставая из-за стола. – Я уж не говорю о личном развитии». Публика, набившаяся в лекционный зал, была довольно разномастной – от студентов и вольнослушателей до вполне респектабельных господ в шелковых галстуках. Надо признать, что Бессонов был совсем не так зануден, как его европейские коллеги, на которых Ардов уж насмотрелся. «Человек двойственен по природе, предназначению, жизни, – припомнил Ардов начало вчерашнего выступления доктора. – В нем всегда есть и светлое, и темное, он и дающий, и принимающий. В этом дуализме – основа первых религий, многих философских, психологических и прочих изысканий...»

Бессонов пригласил господина следователя в просторный кабинет, который прилегал к приемной. В помещении имелись четыре украшенные резьбой деревянные колонны, у стены на тонком ковре с херизским узором возвышался письменный стол с напольными статуями сидящих в лотосе бронзовых Будд по бокам, на самом столе – ряд из шести фигурок Ганеш с разными музыкальными инструментами в руках. Почти все стены были уставлены застекленными шкафами с книгами и безделушками, а в центре по кругу стояли кресла с резными слонами в подлокотниках. В них, очевидно, и располагались клиенты во время знаменитых групповых сеансов доктора Бессонова. В помещении ощущался тяжелый, смолистый, дымный аромат «драконовой крови» – редкого благовония с острова Сокотра.

Излагая суть дела, Ардов неотрывно изучал ботинки хозяина кабинета. Они были похожи на те, испачканные мелом, правда, выглядели новенькими, в то время как у предполагаемого убийцы обувь была порядком разбита.

– Где покупаете?

Доктор не сразу понял, но, проследив за взглядом, сориентировался и даже не подал виду, что вопрос порядком его смутил.

– В магазине Собцова.

– Это новые?

– Да.

– А где изношенные?

– Вероятно, на помойке, – пожал плечами Бессонов. – А может, прислуга нищим отдала. Можно справиться у экономки.

Ардов продолжал рассматривать ботинки доктора. Помолчав, Бессонов доверительно произнес с едва заметной улыбкой, рассчитывая, что при необходимости признание можно будет перевести в шутку:

– Слегка натирают.

Доктор предположил, что у гостя имеется фиксация на обуви и на всякий случай продемонстрировал готовность поддержать тему. Ничего необычного тут не было, господин Бессонов частенько рассказывал клиентам о странной привязанности писателя Гоголя к сапогам, которые тот называл не иначе как «дно души», возил с собой в чемодане количеством не менее трех пар и, оставшись в одиночестве, частенько натягивал, чтобы насладиться формой. Но Ардов не стал развивать обувную тему.

– А вы о чем лекции читаете?

– Как сохранить любовь в семейных отношениях.

Бессонов открыл стеклянную дверцу и взял с полки книгу.

– Прошу!

На лиловой обложке значилось: «Докторъ Безсоновъ. Стихія любви». Штук двадцать таких же томиков составляли на полочке отдельный ряд.

– Я вам сейчас подпишу.

Пока он выводил пожелание на титульном листе, Ардов огляделся.

– Новая обивка?

– А?

Доктору опять пришлось проследить за взглядом, чтобы понять, о чем толкует гость на этот раз. Молодой человек смотрел на ближайшее к себе кресло.

– Да... – растерянно молвил психолог. – Старая истерлась, пришлось заменить.

Илья Алексеевич мысленно поставил три вопросительных знака рядом с фамилией «Безсоновъ» в своей записной книжке.

Глава 7

В редакции

– Сенсация! В Париже открылся театр живых фотографий! – вопили на Невском мальчишки-газетчики в фуражках с медными бляхами. – Движущиеся картинки покорили публику!

Пропустив перед собой стайку разносчиков, Ардов вошел в здание редакции напротив Армянской церкви. В руке он нес перевязанную бечевкой коробку с вензелем магазина Собцова, напоминавшим герб диковинного царства: пара ботинок на нем была оплетена дубовыми венками и лентами с девизом «Носить не переносить!». Покидая Бессоновых, экономку он не застал, но зато по пути заскочил в Гостиный двор, где отыскал точно такие же башмаки, какие видел на предполагаемом убийце.

Кабинет главного редактора «Петербургских вѣдомостей» Клотова был распахан настезь: носились наборщики с гранками, бухгалтеры поминутно подсказывали за подписью, а репортеры в пять голосов докладывали собранные за сутки новости. В довершение всего маляр на козлах мазал стену в отвратительный соленый цвет, а с противоположной стороны пара рабочих прилаживала огромную картину, на которой был изображен соломенный стул. Удивительно, но в этом гаме Клотов отлично различал голоса одновременно говорящих сотрудников и каждому давал наставление.

– Немецкий инженер Дизель изобрел двигатель внутреннего сгорания, – грустно сообщил мужчина с длинными лоснящимися волосами.

– Ну и что? Что это за новость? Такой двигатель уже существует.

Клотов обернулся к господину в пенсне с усами щеточкой.

– Что у нас в политике?

– Правительство распространило ноту с идеей международной конференции по ограничению вооружений.

– Тоска зеленая! Кто поверит в искренность этих пацифистских устремлений? Всем нужна война. Выше! Выше! – вдруг закричал он, обратив внимание на картину с соломенным стулом.

Рабочие изменили положение полотна, а Клотов повернулся к толстяку, похожему на крота из-за прищура подслеповатых глаз.

– Культура?

Открытие Музея изящных искусств имени государя Александра III, – пропищал «крот» неожиданно тоненьким голосом.

– Ну не знаю. Ну... давайте сделаем репортаж, – неуверенно предположил Клотов, просматривая между делом ползущую из аппарата телеграфную ленту. – Так, без особых восторгов. «Сумбур в экспозиции, несистемный подход... Отсутствие лучших зарубежных образцов», – набросал он тезисы.

– Сегодня состоится первый в России футбольный матч, – вклинился коренастый дядька. – Встречаются физкультурники «Кружка любителей спорта» и «Петербургского кружка спортсменов».

– Это там, где двадцать лбов пинают мяч по полю? Не понимаю, кого это может захватить.

– Открыли первую междугородную телефонную линию Санкт-Петербург – Москва, – опять подал голос грустный мужчина с длинными волосами, листая блокнот.

– Интересно, – вроде бы оживился Клотов. – И сколько стоит?

– Полтора рубля три минуты.

– Отлично! Великолепно! – вдруг воскликнул редактор. – Ну вот же! Вот!

Грустный мужчина даже вздрогнул от неожиданности, но тут же сник, сообразив, что восторг Клотова вызвало сообщение на телеграфной ленте.

– Арсений Карлович! – крикнул Клотов с особой интонацией, в которой можно было угадать обиду на давнишнюю промашку, некогда допущенную вызываемым господином и с тех пор не прощенную редактором.

Тут же возник розовощекий юноша с блуждающей улыбкой на влажных губах.

– Пишите! В Лондоне по обвинению в грубой непристойности арестован известный ирландский писатель и поэт Оскар Уайльд. Суд предъявил ему обвинение в содомии как нарушении норм общественной морали.

Репортеры, впечатленные новостью, принялись заглядывать в ленту через плечо редактора.

– Простите, могу я видеть господина Чептокральского?

Ардов уже некоторое время с интересом наблюдал, как главный редактор вдохновенно выдавливал краски новостей на информационную палитру дня. Нисколько не удивившись постороннему, Клотов отозвался с некоторой обидой в голосе:

– Ваш Чептокральский шляется неизвестно где! Он должен был еще в 10:30 прибыть на летучку, но, как видите, его нет до сих пор!

– Чептокральский обещал сегодня материал про французские моды, – счел нужным уточнить розовощекий Арсений Карлович.

– При чем здесь моды, если он репортер криминальной хроники? – вскипел Клотов. Подойдя ближе к Ардову, он продолжил: – Чептокральский – непредсказуем. Ищите в городе, раз уж у вас дело большой важности. Где скандал – там и Чептокральский.

Заметив, что Ардов смотрит на картину с соломенным стулом, Клотов гордо произнес:

– «Соломенный стул». Картина непревзойденной Берты Моризо. Только что приобретена редакцией на Парижской выставке. – Перейдя на интимный шепот, Клотов продолжил: – У газеты, должен признаться, неплохо идут дела, так что надо куда-то вкладывать свободные средства. Играть на бирже – слишком рискованно: Чептокральский недавно собрал отличный материал про тамошние махинации. Правда, злые языки утверждали, будто разоблачения были проплачены, но наш адвокат отбрил клеветников. А вот скандалчик вышел отменный, публикацию обсуждали даже на заседании Думы! Именно поэтому месяц назад по совету Арсения Карловича мы купили два десятка дорогих попугаев. Самых дорогих. Как их? – Клотов обернулся с розовощекому помощнику.

– Гиацинтовый ара, – виновато ответил юноша.

– Да. Клетки висели по всей редакции. И можете себе представить, через месяц все птицы сдохли к чертовой матери! До одной!

– Это из-за сквозняков, я предупреждал, – отозвался помощник.

– Да, из-за сквозняков, – согласился Клотов. – С которыми ничего невозможно сделать. Пришлось перейти на живопись. Моризо только что умерла, так что стоимость полотна уже удвоилась. Если у вас есть что-то сенсационное, плачу по двойному тарифу, – без всякой подготовки перешел на деловые рельсы редактор. – С этими тюленями далеко не уплывешь, – кивнул он на своих репортеров.

– Можете дать адрес Чептокральского? – спросил Ардов.

Редактор обернулся к Арсению Карловичу.

– Он не сообщал, – юноша почему-то застенчиво улыбнулся. – Скрывается. Со старой квартиры съехал, а новую держит в секрете.

– Опасается, что у парадного караулить будут, – охотно пояснил Клотов.

– Кто? – не понял Ардов.

– Кредиторы. Он половине Петербурга задолжал. Только у меня авансов на три месяца вперед вытащил! Все уверял, что на днях должен сказочно разбогатеть. Не иначе как на петушиных боях, ибо дедушки-миллионщика у него точно не было.

Ардов весь напружинился, и глаз его заблестел.

– А какой у него размер обуви?

Клотов с некоторым подозрением оглядел посетителя. За долгую карьеру в редакции он насмотрелся на самых разных сумасшедших. Некоторые поначалу выглядят вполне прилично. Последний был не далее как вчера: сначала уверял, будто ему открыто будущее, и требовал разместить на первой полосе предсказание о скором конце света, а когда Клотов начал задавать наводящие вопросы, выхватил огромный нож и пообещал всех зарезать.

– Ботинки у него точно есть, могу поручиться, – аккуратно ответил редактор. – Босой не ходит. Но вот с размером помочь не могу... По-моему, размер обыкновенный.

Ардов эффектно хлопнул по столу башмаком, извлеченным из коробки.

– Его фасон?

Клотов переглянулся с Арсением Карловичем.

– Цвет точно его... – издали начал молодой человек, намереваясь выгадать время, чтобы понять, какой ответ был бы угоден посетителю.

Глава 8

В участке

Околоточный надзиратель Свинцов дул чай у самовара и прислушивался к разговорам за столами, пытаясь определить, где дельце поинтересней. Своего места в участке у него не было, поскольку службу надзирателю надлежало исполнять на улице, но Свинцов после утреннего обхода несших постовую службу городских, по обыкновению, закатывался в участок, где располагался у чайного стола в ожидании какого-нибудь приключения, способного развеять скуку. Свой план по охранению порядка он выполнял после обеда, когда Спасская часть окончательно просыпалась и начинала колобродить. По обыкновению, дневной улов состоял из двух-трех извозчиков, которые вечно прут напролом, переворачивают возки, кареты, пролетки, давят товар, сбивают велосипедистов и пешеходов. К этим Свинцов привычно добавлял такую же порцию нарушителей по 42-й статье Устава о наказаниях — «За появление в публичном месте пьяным до беспамятства или в безобразном от опьянения виде». Ну и иногда к привычному садку удавалось присовокупить рыбу поинтересней. Так, вчера около шести вечера Свинцов поспешил на крики в доме три по Кирочной улице, где застал разъяренного офицера, наносившего удары портному Пяткину вынутой из ножен шашкой, а тот парировал их аршином. Оказалось, отставной офицер явился за мундиром и нашел заказ исполненным не по его вкусу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.